

Кирилл Баранов

**Архангело-
Пашинский
Завод**

Начало

УДК 94(470.5)"17/18"

ББК 63.3(28-8Пер)4/5

Б24

Баранов К. Ю.

Б24 Архангело-Пашийский завод. Начало. / К. Ю. Баранов. — Москва : б. и., 2026. — 222 с. : 17 ил. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-521-24920-6

О строительстве и жизни уральского завода двести сорок лет тому назад. Как строили и работали, как учились и лечились в те далекие времена. О заводских мастерах и результатах их труда. В книге упомянуты более 450 строителей и жителей завода. Посмотрите, может среди них есть и ваши предки.

ISBN 978-5-521-24920-6

© Баранов К.Ю., 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	11
ГЛАВА 1. НАЧАЛО	17
ГЛАВА 2. ЛЕГЕНДА О СОЗДАНИИ ЗАВОДА	31
ГЛАВА 3. СТРОИТЕЛЬСТВО ПОСЕЛКА	41
ГЛАВА 4. СКЛАДСКАЯ ВЕДОМОСТЬ	53
ГЛАВА 5. ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ	63
ГЛАВА 6. ПЕРВЫЕ УПРАВИТЕЛИ И ПРИКАЗЧИКИ	75
ГЛАВА 7. МАСТЕРА И ФАБРИКИ	89
ГЛАВА 8. ХУДОЖНИКИ ПО МЕТАЛЛУ	101
ГЛАВА 9. ЦЕРКОВЬ	113
ГЛАВА 10. ШКОЛА.	139
ГЛАВА 11. БОЛЬНЫЕ И БОЛЬНИЦЫ	157
ГЛАВА 12. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ	167
ГЛАВА 13. ЗАВОДСКОЙ БЫТ	179
ГЛАВА 14. ПОДЗАВОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ	189
ГЛАВА 15. МОИ ПАШИЙСКИЕ ПРЕДКИ	201
ПРИЛОЖЕНИЕ. УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ	208

Вѣдомость,
 Учиненная въ Архангелопашийской заводской ихъ сиятельству
 генерала порутчика действительнаго камергера и
 орденовъ кавалера князь Михайла Михайловича и
 супруги его княгини Анны Александровны Голицыныхъ, конторе
 его сиятельства по поступившимъ с самого застраиванія завода
 съ 1785-го по будущей 1795-го года апрель
 мѣсяцѣ въ собственныя свои дома жительство имеетъ или у
 другихъ ково, и с того числа сначала перемещения донны
 разными случаями вышло, затемъ что ныне налицо
 прибывшими и вновь рожденными. Также изъ семействъ по
 написаннымъ летамъ должны быть действительными
 работниками или по какимъ причинамъ заключаются
 старичьемъ перечню. И каковаго кто состоянія оказался обо всемъ
 томъ означается подъ симъ въ слѣдующихъ параграфахъ.

Вѣдомость,

Учиненная в Архангелопашийской заводской их
 сиятельств генерала порутчика действительного камергера и
 разных орденов кавалера князь Михайла Михайловича и
 супруги его княгини Анны Александровны Голицыныхъ
 конторе о количестве поступивших с самого застраиванія
 завода то есть с 1785-го по будущей 1795-го года апрель
 мѣсяце из нижеозначенныхъ селений пересельцев и кто изъ
 оныхъ в собственныхъ своихъ домахъ жительство имеетъ или у
 другихъ ково, и с того числа сначала перемещения донны
 разными случаями вышло, затемъ что ныне налицо
 прибывшими и вновь рожденными. Также изъ семействъ по
 написаннымъ летамъ должны быть действительными
 работниками или по какимъ причинамъ заключаются
 старичьемъ перечню. И каковаго кто состоянія оказался обо всемъ
 томъ означается подъ симъ в слѣдующихъ параграфахъ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Занявшись изучением истории своих предков, два века работавших на уральских Архангело-Пашийском и Кусье-Александровском заводах, я вскоре обнаружил, что в московских архивах хранится огромное количество документов по деятельности заводов и управлению Пермской вотчины князей Голицыных – бывших владельцев этих заводов. Там, среди огромного количества технических и бухгалтерских рапортов и отчетов, попадались документы совершенно иного рода, рассказывающие о жизни на заводе двести с лишним лет назад. Поиски расширялись, часть документов нашлась и в Государственном архиве Пермского края, и в Российском государственном историческом архиве. Списки работников и рекрутов, распределения людей на работы, прошения, рапорты о происшествиях, доносы, многочисленная переписка приказчиков открывали совершенно неизвестные и очень интересные страницы жизни заводского населения.

Это совсем не та история, которую изучают в школах и университетах, где в учебнике в лучшем случае будет уделена лишь пара страниц горнозаводскому Уралу XVIII – XIX веков, и даже не та история, которая в изложении многих уважаемых дореволюционных авторов описывает жизнь горнозаводского населения в то время. Это, если можно так сказать, история документальная, где много подробных деталей, свидетельствующих о различных сторонах жизни Архангело-Пашийского завода.

Это и история поселка тоже. Ведь заводом в то время называлось не только само производство, но и весь поселок. А в поселке, кроме домов заводских работников, были церковь и школа, больница и даже «лакированная фабрика». Любой документ, описывающий их работу, поражает изобилием деталей, которые приоткрывают странички заводской жизни. В книге мало говорится о производстве. История металлургии, включая данные о количестве выплавленного чугуна, поставленной руды, производительности домен – это совсем другая тема. Это тоже может быть интересно специалистам, но мне в первую

очередь были интересны люди. Фамилии и еще раз фамилии: мастеровые и крестьяне, служители и приказчики — все они, кто больше, кто меньше внесли свой вклад в построение и развитие завода.

Кто и как основал первый госпиталь? Правда ли, что заводской приказчик прежде был атаманом разбойников? Кто, кого и как учил в заводской школе? Кто придумал планировку поселка? Когда заложили завод? Из каких сел переселили заводских жителей? Кто строил церковь, и кто автор знаменитых образцов деревянной скульптуры из Пашии, хранящихся ныне в Пермской художественной галерее? Правда ли, что на заводе делали кареты и мебель? На эти и множество других вопросов найдутся ответы в книге.

В книге много цитат из архивных документов. Язык их несколько непривычен для современного читателя, но он не должен вызывать большого труда при прочтении. Мне кажется, он передает дух тех ушедших лет. Отчества, если они процитированы из документа, даны в оригинальном виде. В это время уже редко употребляли слово «сын» после отчества, и форма отчества была похожа на фамилию — Петров и Михайлов вместо Петровича и Михайловича. Да, грамматика за эти годы существенно изменилась. Поэтому в цитатах есть отклонения от оригинала. Например, предлоги, несмотря на то что они писались слитно в то время, написаны раздельно, а написание слов оставлено оригинальным там, где оно не мешает понимать смысл. Читая архивные страницы, порой удивляешься, что какие-то известные и кажущиеся современными выражения находятся в документах двухсотлетней давности, а ряд и слов, и выражений настолько архаичны, что возникают сомнения в их правильном понимании.

Одним из первых увиденных мною документов, послуживших основой для статьи, а затем и главы этой книги, был перечень жителей завода, написанный десять лет спустя после его основания, в 1795 году: *«Ведомость учиненная в Архангелопашийской заводской их сиятельств генерала порутчика действительного камергера и разных орденов кавалера князь Михайла Михайловича*

и супруги его княгини Анны Александровны Голицыных конторе о количестве поступивших с самого застраивания завода то есть с 1785-го по будущей 1795-го года апрель месяце из нижеозначенных селениев пересельцев...»¹.

Под этим пространным заголовком документа была подпись его составителей. Ими оказались мой далекий предок Яков Баранов и его помощник Василий Кузнецов. Отдавая себе отчет в том, что все эти архивные материалы вряд ли в ближайшие годы будут широко доступны, я начал писать и публиковать статьи в горнозаводской газете «Новости», рассказывая о найденных мною страницах истории Пашии. Статьи и легли в основу этой книги. Конечно, в книгу вошло гораздо больше материала. Не все удалось опубликовать в газетных статьях в силу ограничений такого формата, не все находки нашли свое отражение к моменту выхода материала в печать. Новые находки случались уже и после их публикации в газете. Некоторые из них добавляли детали, а порой и немного меняли представление о том или ином событии.

Особую гордость вызывают сделанные маленькие открытия. Они, несомненно, вызовут интерес у всех, кто интересуется историей завода и поселка. Удалось выяснить дату закладки завода и дату закладки церкви, фамилии строителей церкви, первого учителя и первого лекаря и того, благодаря чьим усилиям в поселке появилась школа и больница, обнаружить забытые страницы истории о производстве на заводе карет, металлической мебели, расписных подносов и даже икон.

Большинство найденных документов относятся к периоду строительства завода и первым десятилетиям его существования. Поэтому, несмотря на то что повествование в некоторых главах затрагивает и более поздние события XIX века, мне показалось, что название книги «Архангело-Пашийский завод. Начало» больше отражает ее содержание.

Надеюсь, что книга будет интересна всем, кто интересуется историей горнозаводского Урала и историей владельческих заводов.

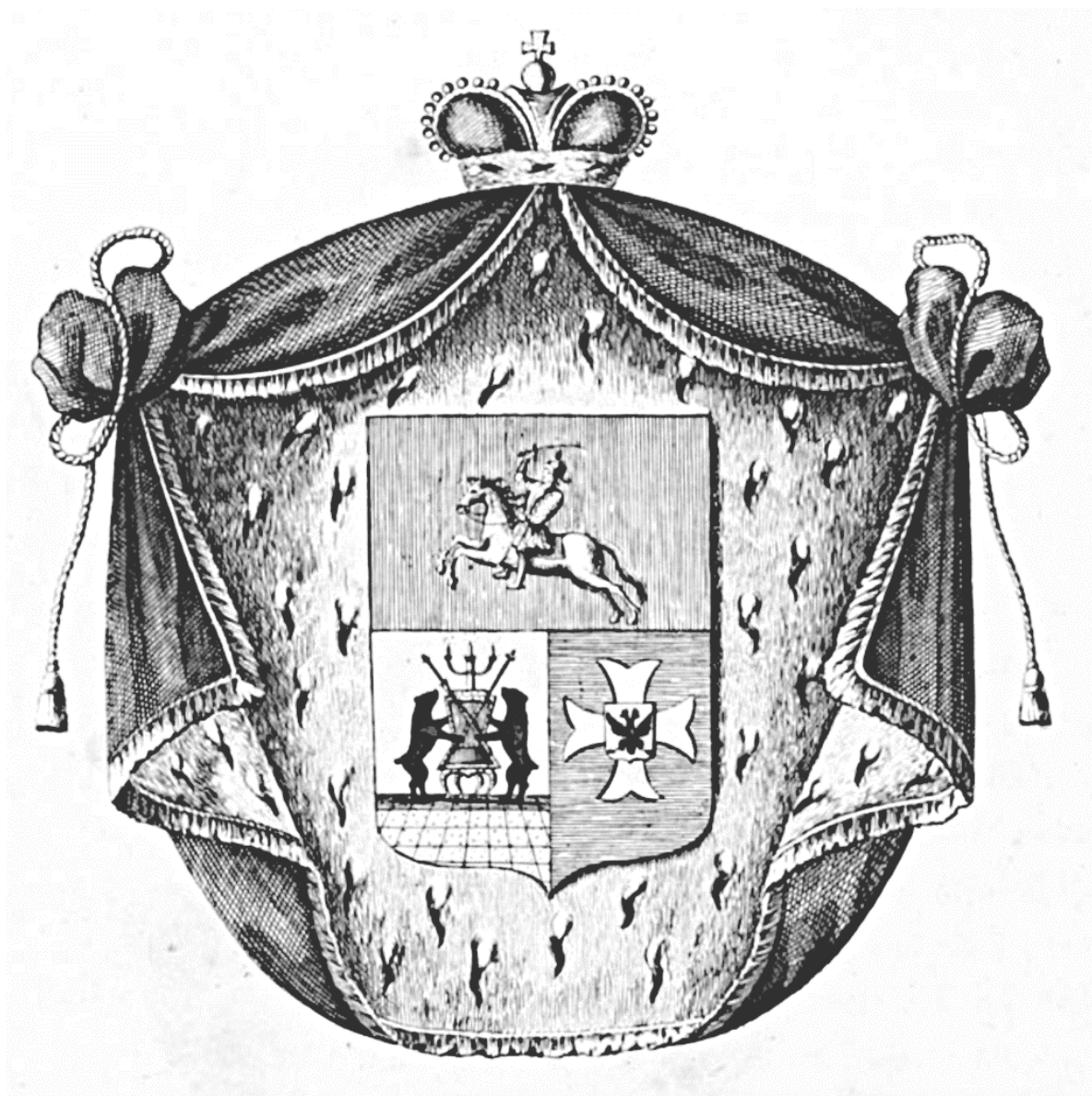
Мне особенно хочется, чтобы книга дошла до нынешних потомков тех людей, о которых и рассказано в этой книге. Часть из них и сейчас живут в Пашии и Горнозаводском районе, часть раскидана по всей стране и даже за ее пределами. Хочется верить, что эта книга многим из них даст информацию о жизни их далеких предков, заставит задуматься об истории и, может, даже подтолкнет к проведению собственного исследования.

В завершение еще несколько слов. В книге, кроме сносок с пояснениями и комментариями, есть сноски с источниками. Их можно смело пропускать при чтении, но они помогут тем, кто захочет глубже погрузиться в тему. Часть имен приводится в старинном написании. В этом случае они выделены курсивом. Так-же курсивом выделены слова если использовано их историческое написание. Для тех, кто захочет найти в книге упоминание о своем возможном далеком предке, в конце дан фамильный указатель. С учетом того, что книга выходит не только в печатном, но и в электронном формате, в указателе даны ссылки только на главы. С автором всегда можно связаться через сайт: <https://baranovku.ru>, на котором, кроме исторических фотографий Пашии, не вошедших в книгу, есть и более полные исторические перечни жителей завода на 1795 и 1810 года. Заходите! Можно также написать на электронную почту: baranovku@gmail.com.

Иллюстрации в книге: Предисловие, главы 1, 15 – коллаж, выполненный с помощью нейросети (Chat GPT) с использованием текстов из фонда 14 ОПИ ГИМ. Глава 3 – коллаж плана завода 1809 года по оригиналу (ГАСО ф. 59, оп. 7, д. 293). Главы 2, 4-14 художественная реконструкция по авторскому описанию, выполнена с использованием нейросети (Chat GPT).

¹ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 839.

Герб Голицыных

ВВЕДЕНИЕ

Рассказывая историю Архангело-Пашийского завода и его жителей на рубеже XVIII и XIX веков, наверное, стоит немного поговорить о причинах его появления и событиях, которые этому предшествовали. История освоения Уральских земель именитыми людьми Строгановыми и последующее деление их владений между наследниками уже многократно описана множеством авторов и исследователей, поэтому мне совершенно не хотелось подробно на этом останавливаться. С другой стороны, если читатель никогда этим не интересовался, наверное, неправильно перед чтением книги направлять его к другим авторам или за информацией в интернет. Поэтому ниже приводится очень краткое изложение событий, предшествующих строительству завода.

В XVII веке обширные земли на Западном Урале по реке Каме принадлежали именитым людям Строгановым – купцам и промышленникам из Соль-Вычегодска, с XVI века начавшим освоение Уральских земель. Наверное, самым известным их начинанием является снаряжение и финансирование военной экспедиции Ермака на покорение Сибири. В роду, изначально едином, было несколько семей наследников, которые постепенно делили между собой вотчинные земли, пока в начале XVIII века все они не были собраны воедино сподвижником Петра I, добившегося получения дворянского титула для своих сыновей Григорием Строгановым. Где выкупом, где хитростью и обманом, он получил земли от своих родственников. Кроме того, государем он был пожалован еще и дополнительными землями. В результате обширные его уральские владения составляли¹ больше 10 миллионов десятин¹ – несколько больше территории современной Португалии.

Но объединенная и приумноженная вотчина недолго просуществовала как единое целое. После смерти Григория Строганова

¹ 1 гектар = 1,09 десятины.

земли с живущими на них крепостными крестьянами в середине восемнадцатого столетия опять стали делиться. Сначала между его тремя сыновьями, бывшими к моменту раздела уже в почтенном возрасте, а вскоре после их смерти – и между его внуками и внучками. Наследники продавали свои доли, внуки выходили замуж, и в результате все наследство оказалось в руках шести владельцев. Из них только двое были носителями фамилии Строгановых.

Так, владения, доставшиеся старшему сыну Григория Александру, были поделены между его вдовой и двумя дочерьми. Старшая дочь Анна в 1757 году вышла замуж за князя Михаила Голицына, который и стал фактическим наследником почти шестой части бывших владений Строгановых. Полученное наследство включало в себя земли по берегам рек Камы и Чусовой и почти десять тысяч крепостных крестьян и мастеровых. Также ему достались стоявшие на этих землях соляные варницы, Нытвенский железоделательный завод и половина Кусье-Александровского чугуноплавильного завода. Князь стал активно развивать производство, но чугуна для полной загрузки Нытвенского завода было мало, а чугунолитейное производство на нем развивать было невыгодно из-за удаленности от рудников. Поэтому он стал хлопотать о построении еще одного завода, благо еще во время жизни Александра Григорьевича Строганова, основавшего Кусье-Александровский завод, в окрестных землях было найдено множество железорудных месторождений.

Но получилось далеко не сразу. Первая попытка получить разрешение на строительство в 1772 году закончилась неудачей. Мешал длящийся многие годы процесс деления наследства и земель, в него входящих. Хотя братья Строгановы и поделили наследство относительно мирно, но земельные споры продолжались и после раздела. При разделе наследства между тремя братьями Строгановыми в 1747 году все земли по реке Чусовой, включая самые дальние на то время села Калино и Камасино, достались старшему брату Александру Григорьевичу Строганову. Ему же впоследствии предполагалось отдать и Чусовские соляные промыслы. Хотя на следующем этапе раздела

наследства, когда в 1749 году делились соляные промыслы, братья передумали, и каждый соляной промысел разделили на три относительно равные части. При этом было принято решение, которое на следующие сто лет стало поводом для многочисленных разбирательств. Так, было оговорено, что пользоваться лесами по реке Чусовой для заготовки дров, необходимых для солеварения в Чусовских промыслах, могут все владельцы, несмотря на то что принадлежат они старшему брату. На этом основании младшие братья даже противились построению Кусье-Александровского завода, мотивируя это тем, что это затруднит заготовку дров для соляных промыслов.

И если средний брат писал «братцу Александру Григорьевичу» свои опасения в очень вежливых и осторожных выражениях: *«Вы имеете намерение строить железный завод по Чусовой реке в лесных угодьях которые по силе нашего раздела утверждено было оставить для общего чусовских соляных промыслов употребления»*², то своему приказчику им было велено *«иметь смотрительство»* и писать жалобы и доносы горному и солянному начальству, но осторожно, чтобы *«в явную ссору не вступить и безславия к тому не нажить»*³.

Поэтому уже после смерти Александра Григорьевича строительству Архангело-Пашийского завода противились другие наследники Григория Строганова и выкупившие доли в его наследстве дворяне Лазаревы и Всеволожские. К тому же с севера будущие заводские земли граничили с землями других наследников, и точных границ владений установлено не было.

Да и между наследниками Александра Строганова изначально не было согласия. Против построения завода высказались Шаховские, за представителя которого, князя Бориса Георгиевича, вышла замуж вторая дочь Александра Григорьевича Строганова — Варвара. Хотя земли будущего завода и принадлежали Александру Григорьевичу Строганову и подлежали разделу между его дочерьми, но до 1784 года они не были размежёваны и

считались общим владением. Поэтому Шаховские претендовали на часть земель будущей заводской дачи¹.

Однако через некоторое время сестры и их мужья договорились и объединили свои усилия. Совместно отбив претензии других наследников, они подали прошения на строительство Лысьвенского (Шаховские) и Архангело-Пашийского (Голицыны) заводов. Параллельно шел процесс межевания лесов между этими двумя владельцами и отнесением их к той или иной заводской даче. Процесс этот был затруднен тем, что все села, доставшиеся в наследство, так же как и Кусье-Александровский завод, были разделены пополам. Даже управление этими двумя вотчинами осуществляли вотчинные правления, располагавшиеся в одном и том же селе Верхомулинском^{II}.

К удовольствию сторон, к 1785 году прошения были удовлетворены и разрешения на строительство со стороны Берг-коллегии^{III} были получены. Соответствующие бумаги должны были быть оформлены на месте Пермской казенной палатой.

¹ Шилов А. В. Разделы пермских владений Строгановых в середине и второй половине XVIII века // Вестник Пермского университета, вып. 7 (23), 2008.

² РГАДА: ф. 1278, оп 2, д. 3343, л. 5.

³ Там же, л. 7.

^I Это территория, принадлежавшая заводу, на территории которой находились заводские рудники и рос лес, используемый для углежжения.

^{II} В дальнейшем называлось Верхние Муллы, в настоящее время район города Перми.

^{III} Название министерства, ведавшего в XVIII веке горнорудной промышленностью

Ванз Варонин

18го Июня 185го года

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Весна 1785 года для пермского правления вотчин князя Голицына была очень беспокойная. Официальное прошение губернским властям на строительство Архангело-Пашийского завода было подано 1 апреля, но не было и малейших сомнений в положительном решении, так как они должны были просто подтвердить решение Берг-коллегии. Поэтому, не дожидаясь получения разрешения Пермской казенной палаты, начались приготовления.

Первым, еще в апреле, на место будущей стройки выехал управляющий пермскими вотчинами Иван Иванович Варокин. Зимой он уже был здесь с плотинным мастером государственного завода Казанцовым и уездным землемером Клепининым. Они осмотрели место постройки будущего завода на слиянии рек Пашии и Вижая и сделали вывод о пригодности реки и необходимости повторного осмотра в весеннее половодье для уточнения расчета параметров пруда и будущей плотины. Объем заводского пруда должен был обеспечить водной энергией планируемые к постройке две домны и кричное¹ производство. Зимой был сделан предварительный расчет необходимых материальных и людских ресурсов. Так, по их прикидкам для строительства, например, заводской плотины необходимо было 6700 человеко-дней, а стоимость всего строительства завода была оценена в 9601 рублей¹.

На место Иван Иванович прибыл 8 апреля, за неделю до прибытия первых строителей и расположился на ближайшем к стройке Тончихинском руднике. В письме от 11 апреля он пишет, что никого из крестьян, назначенных к работе, на стройке еще нет, хотя уже со следующего дня начали прибывать строители. *«Работников всех с 11 по 14 число явилось разных сел, а именно Калинских сто шесть, Камасинских тридцать пять, Троицких девяносто шесть, Сергиенских шестьдесят четыре, Чусовских десять, Верхомулинских сто девяносто восемь, всего пятсот восемь человек»*².

¹ Производство железа.

18 апреля, назначив заводским приказчиком Матвея Митянина³, оставив его за старшего на стройке и отдав ему необходимые распоряжения, Варокин отправился назад в главную контору. Надо было заниматься организацией поставки на завод рабочей силы. На стройку собирали крестьян со всех сел уральского поместья. Уже в пути Варокин встретил бригады каменщиков и плотников, направлявшихся на стройку из Нытвы.

Не обошлось без неприятностей. Умер плотинный мастер Герасим Шайдуров – человек, ответственный за расчет и последующее возведение заводской плотины. По запросу Варокина Пермское горное начальство выделило на месяц опытного мастера, и проблема была решена.

Место стройки лежало достаточно далеко от обжитых мест. Добираться туда от ближайших сел Калино и Камасино можно было только по извилистым рекам Вижаю и Вильве. Летом водным путем, а зимой на санных повозках. Поэтому остро встал вопрос о летнем сухопутном пути.

В мае приказчику Митянину поступает приказ о том, что надо сделать три дороги: с Чусовой, с Кусье-Александровского завода и с Тесовских рудников. Людей не хватало, поэтому в приказе было и определено, что и как надо делать: *«Взять 50 человек Калининских и Камасинских стариков и недорослей и править дорогу, делать мосты через реки и логи и делать мосты вместо слегов, чтобы дорога была на телегах проезжаема»*⁴.

Первой и главной задачей оставалось возведение плотины – будущего источника энергии для работы завода. Это требовало длительной подготовки. Надо было очистить от леса дно будущего заводского пруда, укрепить берега, углубить котлован, заготовить бревна, камни и глину для самой плотины.

Вот подготовительные работы закончились, и *«За помощью божией вчерашнего числа то есть в 17 день сего месяца по утру отправя на месте плотины при собрании всего народа под освящение и молебен о здравии их сиятельств милостливых государей наших с приличною на созидание молитвою приступлено было*

к пронятию каналов сильною рукою так, что к вечеру и заложили все главные четыре свинки»⁵. Завершался рапорт фразой: «...и следовательно с этого числа началась и происходит рубка настоящего заводского строения, при котором плотников находится 60 человек». В наши дни в календаре поселка Пашии появляется еще одна памятная дата – 17 июня 1785 года, день закладки Архангело-Пашийского завода.

Оставив филологам разбираться с выражением «сильной рукою», хочется отметить, что упомянутые «свинки» – это бревенчатые квадратные башни, засыпаемые песком, установленные по берегам речки Пашии и ограничивающие будущий «прорез» – место в плотине, где выходила вода, направляемая дальше в «лари», на лопасти водных колес. Дальше от каждого из берегов до свинок возводилась насыпь, формируя дамбу – берег будущего заводского пруда. А затем створ между свинками перекрывался бревнами, и запруженная река начала разливаться, образуя заводской пруд.

Конечно, упомянутые выше 60 плотников были далеко не все строители. Всего на стройке в это время работал 571 человек. Интересно, что в документах того времени они назывались по-военному: 86 человек конницы и 485 человек пехоты. Работ было много. Основная масса работников – 130 человек – занимались земляными работами на будущей дамбе. Конница возила строевой лес.

Вторая по важности работа – это строительство доменной печи, даже еще не строительство, а подготовительные работы – сооружение сарая для делания и складирования кирпича, добыча бутового камня для фундамента и выкладки стен. Кроме крестьян, привлеченных к черновой работе, требовались и носители профессиональных знаний. Поэтому еще в конце мая для кладки домны за препровождением служителя Егора Колмогорова отправляются с Нытвенского завода Иван Заякин, Сидор Худяков, Сафрон Устюгов, Сидор Наугольных и Михайло Першин.

Каждый день на стройку прибывали новые крестьяне. Отмечались, располагались на новом месте и тут же наряжались на работы.

Каждое утро начиналось с переклички и распределения по работам, а каждый вечер тоже заканчивался перекличкой. В преддверии предстоящей зимы требовалось еще и построить жилье, поэтому часть работников была занята на обустройстве землянок и строительстве барачков и первых деревянных домов.

Начало июля выдалось жарким, и это совсем не помогало работам. Шедший из Верхомулинского села караван с продовольствием из восемнадцати лодок из-за обмеления Вижая не смог пройти до стройки, пришлось конницу вместо возки строительного материала отправлять на вывоз продовольствия. *«В жару, которая длится уже много дней подряд начался падеж лошадей в следствие у них запора и вздутия живота, предполагаю, что это от поения их водой которая холодная и сильно минеральная»*⁶ – докладывали в правление о следующем происшествии.

Но июльская жара к середине месяца сменилась проливными дождями, и это принесло новые проблемы. *«Непостоянный климат здешний немного дозволил нам пользоваться благополучною погодой, ибо с 17 числа сего месяца опять начали перепадать дожди и останавливать земляную работу. А вчерашние сутки почти без утеху с пресильною грозою лил и так землю растворил что сего дня и приступить к оной способу не было»*⁷. Непогода продолжается. Первого августа рапортовали: *«Работы по насыпке плотины встали. Крестьяне не могут выполнить нормы и стали проситься отпустить их в дома свои»*⁸.

Тут стоит сказать несколько слов о существовавшем в то время порядке. С одной стороны, существовавший крепостной строй определял его, и все работники были собственностью князей Голицыных, но с другой стороны, все обязанности крестьян были расписаны и было практически невозможно насильно заставить крестьян работать непрерывно на стройке. Вне зависимости от необходимости работы на строительстве нового завода крестьяне отправлялись на отработку барщины несколько раз в год. Работа эта была нормирована и заключалась в рубке дров, жжению угля, работе

в каменоломнях и на рудниках, перевозке чугуна и руды. И точно так же для выполнения этих работ крестьяне отправлялись порой за сотню верст от дома, жили зимой в землянках, сооруженных около рудников или лесных делянок.

Поэтому большой разницы для работавших на стройке крестьян не было. Грузил ли он и потом возил на подводе руду с дальнего рудника или возил грунт для плотины нового завода — он отработывал свои трудовые дни на барщине. Крестьяне знали свою норму, и не было никакого для них резона оставаться на стройке сверх нормы. Если они видели несправедливость по отношению к ним — они проявляли свой протест привычным способом — ногами, самовольно отправляясь домой.

Летом 1785 года для усиления надзора за стройкой в главное правление в село Верхомулинское приехал московский управитель Константин Федотович Кокшаров, которому было поручено возглавить всю Пермскую вотчину. Пермский же управитель Иван Варокин был ответственен за стройку, где и провел практически все лето. К августу должна была быть произведена замена строителей, но вновь назначенные на стройку крестьяне еще не явились. В начале августа Варокин докладывает, что погода наладилась, и строительство плотины продолжается успешно, но не хватает теперь людей: *«Повседневная оказывается убыль, то есть непрестанно бегут и удержат от того никак невозможно. К тому ж вновь ни из которого села ни конницы, ни пехоты не видно⁹»*.

В подтверждение этого он приводит расклад:

- к возке на плотину земли надо 500 конных и 150 пеших, есть 260 конных и 31 пеший;
- к делу мостов плотников надо 100 человек, а есть 12;
- к делу доменных и молотовых ларей плотников надо 50, а никого нет;
- к битью свай двух копров надо 100 человек, а есть 47;
- к чистке места под пруд надо 85 человек, а никого нет.

Осень тоже не радовала погодой. 16 сентября еще боролись с наводнением, вызванным обильными осадками, докладывая: *«А осень почти и неслыханная приводит всех в ужас и в крайнее несостояние продолжать работу. Ибо ни за что приняться нельзя везде вода и грязь. Люди мокнут, зябнут и падают»*¹⁰. А уже 29 сентября выпал снег, и начались морозы. Крестьян со стройки вынуждены были отпустить, так как они были без зимней одежды *«шли сюда так легко что кроме одного рубища ничего на себе не имели»*¹¹.

Тем не менее на стройке оставались первые переселенцы. Это была отдельная категория крестьян. В отличие от строителей они переселялись сюда с семьями и навсегда. Тут тоже не стоит думать, что кого конкретно переселить во время крепостного права решалось по приказу владельца или его приказчика. Они только определяли общее количество, а уже конкретных кандидатов на переселение определяла сельская община. Общие рекомендации, конечно, были, хотя они были и так понятны: *«Выбор к переселению желающих или неспособных быть во крестьянстве, то есть балуков^I и одноколок^{II} не имеющих ни пашен, ни покосов»*¹². Крестьянскому обществу, платившему налоги и отрабатывающему барщину по количеству трудоспособных мужчин было выгодно избавляться от членов общества, не приносящих доходов.

Вот, например, как обосновывали *«Выбранных по мирскому приговору, учиненному в сходность предложения управителя Кокшарова по посылаемым из главного правления повеления для переселения»*¹³ крестьян:

из Чусовских Городков Антон Васильев Тюрнин с семьей:
«Из варничных работников и во крестьянстве быть непрочен»;

из деревни Поповской Яков Козмин Полуплешев с семьей:

^IБаловник, хулиган.

^{II}Толкование неоднозначно: возможно, имелся в виду обладатель дома-одноколка – самого простого вида строения, или от «кола» – минимального земельного надела.

«Живут с братом в одном доме и по малости пашни быть во крестьянстве не у чего»;

из деревни «У прорыва» Петр Титов Третьяков с семьей: *«За неимуществом и недостатком пашни и покосов коими должен владеть, как и домом другой брат с детьми»;*

из деревни «У речки Боярки» Матвей Семенов Третьяков 21 году с женой: *«Женат первый год, дому не имеет к хлебопашеству не прилежен».*

Но были и добровольцы. *«Явился ко мне крестьянин Григорий Егоров сын Батраков и вызвался к переселению на Архангелопашийский завод»*¹⁴ писал управитель Кокшаров поручение в правление. В поручении давались указания о снабжении переселенца лошадью и коровой, а поскольку он был квалифицированный работник – плотник, то и в назначении его на соответствующую должность – в помощники к плотинному мастеру.

В сентябре из запланированных к переселению 286 человек явилось 202. Остальные тоже явились, но несколько позже. Ведь к переселению назначали крестьян и из самых дальних уголков вотчины, а дорога занимала много времени. По разным причинам, в первую очередь по здоровью были отпущены назад *«в дома свои»* 23 человека. Несмотря на полученные инструкции и грозные указания, сельские приказчики вместо *«действительных работников»* пытались отправить немощных и малолеток. Были и случаи побега. По концу года бежавшими значилось восемь человек. В отличие от крестьян, работавших на стройке, переселенцы в основном занимались или постройкой изб, или заготовкой для них бревен.

К зиме прибыла и новая партия строителей, уже в зимней одежде. Зимних работ было явно меньше: валка леса, заготовка дров, постройка деревянных зданий. Жили скученно в землянках. Понятно, что это, а также отсутствие гигиены приводило к многочисленным заболеваниям. К концу зимы 1785 – 1786 года в лагере строителей вспыхнула эпидемия тифа.

Отправленному на инспекцию стройки приказчику Василию Угольникову предписывалось, не давая знать о себе заводскому приказчику Митянину, по приезду осмотреть больных людей и определить, где они, и сколько их. Для дезинфекции в помещениях, особенно в землянках, где находятся больные, два раза в день *«готовить уксус и им курить»*. Описать больных поименно и готовить еженедельный рапорт. Потребовать с приказчика Митянина объяснение по купленным для кормления детей жителей коров, *«а если не куплены, то подробный рапорт по обстоятельствам»*.

Отдельно поручалось проводить среди крестьян разъяснительную работу: *«В разсуждении больных ходивши за осмотром оных в землянках и прочих местах всем жителям ты, Угольников объявляй что кто бегаёт из вас с Пашии на старые жительства то тех беглецов посланную из Перми командою сыскивать и будут на местах бить плетьюми. А кто не бегаёт об тех господин печётся и не только их, а даже не забывает о малолетних их детей и жалуёт разными награждениями как то шьёт платья и даёт достойное пропитание»*¹⁵.

Прибыв на завод 3 марта, Угольников осмотрел дома и землянки с больными людьми и констатировал, что приказчик Митянин явно не справлялся с проблемой. *«От конторских начальников присмотр был недостаточный хотя и было курение можжевельником и пихтою, но редкое, а уксусом не было вообще»*¹⁶.

Угольников активно взялся за наведение порядка: *«Истребовал калёные кирпичи немедленно накуривать уксусом. А некоторым обвязывали головы и мочили тряпичами»*. Приказчику Митянину было велено следить за чистотой и курением в домах и землянках, чтобы не было сырости и гнили. Как выяснилось, коровы ещё не были куплены, и по распоряжению Угольникова было доставлено три коровы *«с Кусьинского завода»*.

Понятно, что и эти меры не могли привести к быстрому оздоровлению. Следующая инспекция была уже от губернских властей. Пермского округа земской исправник, капитан Петров сообщал, что

при инспекции строящегося завода лекарем Петром Лондом выявлено больных сто четырнадцать человек. Для их лечения он распорядился выделить сумму денег для приобретения пропитания и лекарств. Основными лекарствами были 4 пуда уксуса и 321 пуд «хорошего солодяного квасу».

Выживали не все. С января по май 1786 года умерло 62 человека обоего пола, из которых больше половины были дети и подростки. С точки зрения сегодняшних дней это кажется очень страшным, но надо понимать, что в то время ничего особенного в этом не было. Священник Федор Варушкин, служивший в Камасинской церкви, к приходу которой на тот момент относился строящийся завод, писал: *«Болезни в народе были обыкновенные те же самые что и в других селах. Горячки и лихорадки»*¹⁷. Действительно, детская смертность была очень высокой в то время, да и взрослых на стройке умирало не сильно больше, чем во время других подзаводских¹ работ.

Не все переселенцы соглашались с постигшей их участью, поэтому случались и побег с завода, хотя они не были массовыми явлениями. За десять первых лет с начала строительства завода из почти полутора тысяч переведенных на жительство крестьян, включая женщин и детей, бежавшими значился всего 61 человек.

Весной прибыла новая смена строителей, и работы продолжились. Активно началось домостроение. Дома предполагались для тех будущих работников завода, кто был переведен с семьями и был определен на постоянное проживание и работу на заводе. Им выделяли место для застройки, освобождали от заводских строительных работ и даже придавали помощь из числа других крестьян.

Был определен план застройки, который неукоснительно выполнялся. Как губернский город Пермь и многие другие заводские поселения, центральная часть поселка была нарезана продольными и поперечными улицами на кварталы 44 на 68 саженей, в каждом

¹ Подзаводские работы – рубка леса, пережог угля, добывание и возка руды, выполняемые крестьянами, живущими на селе при отработке барщины.

из которых находилось 12 участков под застройку. Покидая завод после посещения летом 1786 года, главный управитель Кокшаров оставил достаточно подробные указания о месте расположения строений и распределения участков под застройку: *«Мнится мне чтоб с плотины вверх к Тончихе улицу вести господским иждевением дабы дома как скорее так и порядочнее могли бы выстроится <...> идя с плотины по правую руку место четырех домов занять большим господским домом <...> по левую руку занять 4 дома конторы и приказчиков <...> с четвертого квартала правая сторона должна оставлена быть на место церкви и около оной ограды а левая против одного места приличествует место оставить священноцерковнослужителям»*¹⁸.

Дома жителей предполагалась располагать по профессиям. Так, например, предписывалось: *«От заводского надзирателя и от запащика^I вести улицу по обе стороны кричными мастерами, подмастерьями, работниками слесарными и кузнечными <...> от доменного мастера и двух подмастерьев вести в правую руку улицу одностороннюю^{II} во-первых доменными двумя подмастерьями затем учениками и работниками»*¹⁹.

Планировка поселка осталась прежней и в наше время, но названий улиц, отражающих профессию их первых жителей, к сожалению, не сохранилось. Да и сами жители впоследствии достаточно быстро перемешались. Так, на плане 1809 года, к которому был приложен перечень жителей с указанием их занятий, уже практически невозможно выделить улицы, населенные работниками одной профессии.

Летом 1786 года, конечно, строились и жилые дома, но несмотря на грозные указания управителя, повелевшего: *«чтобы каждый обустройствающийся житель мог в зиму в своем доме жить»*²⁰ — дело продвигалось не очень быстро. Не помогло и без последствий осталось

^I Человек, ответственный за закупку и хранение припасов.

^{II} Имелось в виду не одностороннее движение, а расположение домов только с одной стороны дороги по берегу Вижая.

такое грозное распоряжение: *«Отнюдь не слыхал чтоб жители находились в беспокойных балаганах и отчего ощущали нужду, а противном случае я так сделаю что в приказчию квартиру велю пустить самого последнего жителя, а приказчика выселить в последний балаган»*²¹.

Даже к следующему лету 1787 года, кроме господского и служительских домов, было построено всего 52 дома. Правда, еще 53 дома находились в разной степени готовности.

Но вернемся к лету 1786 года. В июне заводская контора представляла данные о стройке для губернских властей, в которой содержится много интересной информации по строительству. Вот, например: *«При строении сего завода обращаются люди крепостные его сиятельства господина нашего наряженные из вотчинных сел из такой платы которая по выстройке завода положена будет, а государственных и других господ крестьян не имеется»*²².

Упомянутая плата – это действительно деньги, которые начислялись переведенным жителям за их труд и присланным на строительство крестьянам за переработки. Но практически на руки они ничего не получали, так как в основном деньги зачитывались в счет выдаваемого продовольствия.

Следующие строки отчета показывали количество людей, трудившихся на тот момент на стройке: *«Для строения сего завода работные люди из вотчинных сел высылаются с переменами которые здесь ныне находятся»* из Верхомулинского села – 174 человека, из Сергинского села – 99, из Троицкого – 117, из Кишерского села – 69, из Чусовских городков – 37, из Усть-Чусовских деревень – 20, с Нытвенского завода – 70, с Кусье-Александровского завода – 10 человек, итого 596 человек. *«Для будущего заводского действия из вышеперечисленных сел переведено с семействами обоего пола 318 человек без семейств 36 человек для жития. Некоторые дома себе построили, а другие к таковому строению домов отпускаются и всем оным в воскресные, праздничные и торжественные дни в работе свобода дается»*²³.

К осени количество крестьян на стройке еще увеличилось. К этому времени во всех двенадцати имеющихся у Голицына уральских селах с деревнями было 3644 трудоспособных мужчин. Из них на стройке работало 784 человека, к которым предполагалось добавить еще 673 человека. Стояла задача запустить завод в действие в текущем году.

Задача была выполнена: *«Строением начатый в 1785 году с мая месяца во первых плотиною и одной доменной печью что окончилось 1786 года в сентябре месяце и домна на действие пущена того года ноября 23-го»*²⁴. Эта дата известная. Она приводится и Пашийским краеведом Виктором Васильевичем Киреевым, базируясь на полученной из Екатеринбургского архива копии рапорта Пермского управителя Ивана Ивановича Варокина, доверенного князя Голицына.

Хотя на самом деле первая плавка состоялась несколько раньше. Князю Голицыну докладывали: *«Спешу сим всенижайше донести что одна домна наименованная Вознесенскою в действие благополучно пущена 19го числа оногуж ноября»*²⁵.

Понятно, что на этом строительство не закончилось. Впереди еще были и строительство второй домны, и множества других цехов, борьба со стихией, могучим весенним половодьем 1787 года, захлестнувшим плотину, но самое главное – завод был запущен и выдал первую порцию чугуна. Памятную доску из этого чугуна с официальной датой запуска домны можно сегодня увидеть в Горнозаводском краеведческом музее.

- ¹ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 334, л. 79.
² ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 336, л. 189.
³ Там же, л. 276.
⁴ Там же, л. 354.
⁵ Там же, л. 434 – 435 об.
⁶ Там же, л. 520.
⁷ Там же, л. 538.
⁸ Там же, л. 538.
⁹ Там же, л. 578.
¹⁰ Там же, л. 578.
¹¹ Там же, л. 639.
¹² Там же, л. 538.
¹³ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 838, л. 9.
¹⁴ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 349, л. 112.
¹⁵ РГАДА: ф. 1263, оп. 10, д. 1070, л. 106.
¹⁶ Там же, л. 111.
¹⁷ Там же, л. 117.
¹⁸ Там же, л. 200.
¹⁹ Там же, л. 200.
²⁰ Там же, л. 201.
²¹ Там же, л. 201.
²² Там же, л. 125.
²³ Там же, л. 125.
²⁴ РГАДА: ф. 271, оп. 1, д. 2963, л. 14.
²⁵ ГИМ ОПИ: ф. 14, оп. 1, д. 337, л. 394.

ГЛАВА 2. ЛЕГЕНДА О СОЗДАНИИ ЗАВОДА

Любое историческое событие, значимое для людей, непременно обрастает легендами. Рассказы свидетелей и старожилов, многократно пересказанные, что-то теряют в течение времени, обрастают несуществующими деталями, и порой даже становятся совершенно далекими от истинного положения вещей. Не является исключением и история Архангело-Пашийского завода. Известные на сегодняшний день данные позволяют сопоставить правду и вымысел и вычленить из легенды крупинцы достоверной информации.

Учитель мужского народного училища Архангело-Пашийского завода Иван Шулепов 16 мая 1879 года в ответ на запрос директора пермских народных училищ написал и отправил ему обширную справку о своем заведении¹. В справке содержится много любопытной информации об образовательном процессе в девятнадцатом веке, учениках, преподаваемых предметах, но сейчас речь пойдет не об этом. Тем самым директором в это время был Василий Никифорович Шишонко – известный пермский историк и краевед, автор фундаментального труда «Пермская летопись».

Очевидно, зная об увлечении Василия Никифоровича историей и справедливо полагая, что история училища неотделима от истории поселка, в справке приводится не только история создания Архангело-Пашийского народного училища, но и история создания завода. Вернее, не сколько история, сколько легенда, очевидно, передававшаяся поколениями заводского населения. Ведь с момента основания завода к тому времени прошло уже почти сто лет.

Описав в начале документа, каким образом дача Архангело-Пашийского завода оказалась во владении князя Михаила Михайловича Голицына, он пишет: *«До последней четверти прошлого столетия в даче не было никаких поселков, кроме небольших казарм на реке Тончихе в 1 ½ верстах от реки Пашии, для жилья рабочим, приходившим добывать руду на Тончихе и сплавлять оную в Нытвенский завод, где была устроена доменная печь. Доставка руды*

представляла немало затруднений: зимняя перевозка почти за 250 верст стоила громадных издержек, а весенний сплав на плотах по таким быстрым, горным, каменистым рекам, каковы Вежай и Вильва сопряжен был с опасностью жизни и потерей материала. Все это конечно много заботило владельца, Князя Голицына, и надо полагать, присущая мысль и цель его была построить завод вблизи рудных залежей, в местности изобильной лесом; – только недоставало сведущих людей. Но вот они явились, – явились случайно, даже легендарно так как ныне, что не подкреплено письменными документами то относят к области фантазий. – Впрочем рассказ не для исторической критики и не суть дела, потому поведу речь по преданию»².

И дальше в изложении Ивана Шулепова пересказано само предание: «Основателями Архангело-Пашийского завода были удалы молодцы: атаман Онуфрий Дмитриев Костарев, есаул Матвей Васильев Митянин, летучий ходок Николай Корелин и рядовые Висталин да Григорий Сысоев. Люди эти предводительствовали той шайкой, которая разорила Пыскорский монастырь; – они с награбленным церковным и монастырским достоянием ушли через село Зырянку в вершины реки Яйвы, перейдя Косьву на горах Басегах около реки Усьвы, положили обет не заниматься более вольным промыслом и награбленное церковное имущество, состоящее в золотых и серебряных вещах сложили в одну пещеру на Басегах тщательно оную засыпав камнями, и затем пришли на Тончинский рудник. Тут узнав от штейгеров о неотложном намерении князя построить завод они вызвались быть одного строителями с этой целью послали летучего ходока Корелина с письмом в село ВерхнеМулинское к управляющему Князя Голицына Ивану Ивановичу Варокину и просили о помиловании себя и разрешении строить завод на реке Пашие при впадении в Вежай»³.

Тут Шулепов замечает, что сведений о том, что были ли они крепостными Голицына, сведений нет, а по четвертой ревизии 1782 года они показаны за князем. Странное примечание, так как наличие их в

ревизии однозначно говорит о том, что были они крепостными Голицыных. Увы, материалы четвертой ревизии не сохранились до наших дней, но сохранились последующие, по которым можно отследить судьбу как минимум двоих героев легенды. А повествование продолжается: *«Рад был Иван Иванович таким благожелателям и не приминул донести владельцу – разрешение последовало скоро. Митянину поручено строить завод, с званием приказчика, Костареву руду искать, а прочим поручено им помогать. В 1786 году завод открыт при одной доменной печи, называемой «Митянинской» существующей доныне и действующей, – а Костарев прославился открытием многих рудников»⁴.*

Судя по всему, автор с пиететом относился к первому заводскому приказчику, приписывая ему разнообразные заслуги. В частности, он пишет: *«К чести и памяти основателя завода Матвея Васильевича Митянина должно отнести то, что он при населении завода крестьянами из разных сел, не допустил укоренения расколу. Следовательно он не чужд был современного образования, для чего настоял обучать чтению и письму служительских детей в особой комнате при канторе, под надзором сперва сосланного одного из адъютантов императора Петра III потом других дворовых и затем под наблюдением артиллерийских офицеров, приемщиков снарядов в годину до нашествия французов. Деятели были тогда майор Иван Иванович фон Крамер и поручик Белкович»⁵.*

Дальше излагалась уже история построения собственно школы с восхвалением владельца завода – князя Голицына и главного управляющий Пермским имением Петра Карповича Иванова, в период управления которого с 1822 по 1854 год и было основано училище. В конце повествования прилагался «эпилог», повествующий о дальнейшей судьбе всех упомянутых в повествовании, включая и персонажей легенды.

«Приказчик Матвей Васильевич Митянин за долговременную службу был переведен в 1817 году Членом Нытвенского правления.

Горный смотритель Онуфрий Васильевич Костарев¹ скончался в Пашии. Висталин на старости переселился на устье Вильвы и в двух верстах от онога на ключе построил мельницу «Висталинку». А Корелин и Сысоев дожили свой век пенсионерами»⁶.

Понятно, что это легенда, и далека она от действительности. Сам автор делает такую оговорку. Тем не менее интересно взглянуть на описываемые события и ее героев, обладая современными знаниями об истории завода.

Основатели завода преподнесены как лихие люди, ограбившие Пыскорский монастырь, который действительно был легендарным местом. Основанный Строгановыми в Пыскоре еще в 1570 году и славящийся своей историей и богатством, к описываемому в легенде периоду уже утратил свое прежнее значение. Из-за размытия водами Камы берега, на котором он стоял, монастырь в 1758 году уже был перенесен из Пысгора на новое место.

Но и там неумело возведенные постройки долго не простояли, и в 1775 году братия монастыря была переведена в заштатный Соликамский Вознесенский мужской монастырь, который после этого получил звание ставропигиальный^{II} Соликамский Пыскорский. Возможно, факт его ограбления и послужил основой легенды. Монастырь действительно подвергался нападениям злоумышленников, так в 1771 году несколько вооруженных разбойников ограбили бывшего архимандрита Амвросия.

Следующим громким событием было ограбление 1793 года, закончившееся гибелью настоятеля монастыря архимандрита Иакинфа. В тот же год все члены шайки, бывшими крестьянами все той же Пыскорской волости, были пойманы. Это ограбление было явно позже, но слухи об ограблении постепенно распространялись и приукрашивались, поэтому легко могли оказаться в легенде, созданной

^I Так в тексте, выше был Онуфрей Дмитриев Костарев.

^{II} Статус монастыря, указывающий на его прямое подчинение центральным церковным органам, а не местным.

явно уже через много лет после этого события. У монастыря существует и другая связь с Пашийским заводом. Дело в том, что убитый архимандрит Иакинф находился в добрых и, можно даже сказать, дружеских отношениях с Иваном Варокиным – управителем Пермских вотчин Голицыных. До наших дней сохранился достаточно увесистый том их переписки⁷, из которой следует, что Иакинф передавал часть монастырских икон и утвари на оснащение построенной в 1790 году церкви Пашийского завода. Вероятно, на заводе было известно, что часть икон в церкви имели происхождение из Пыскорского монастыря, что и послужило дополнительным основанием для легенды.

Любопытно, что в легенде отражена реальная причина строительства завода, но тут же приводится и надуманная проблема его строительства. Понятно, что в реальности планирование постройки завода заняло очень продолжительный период, и основной проблемой для Голицыных было разрешение многочисленных тяжб с соседями по поводу межевания заводской дачи и получение разрешения от правительства, а отнюдь не отсутствие сведущих людей.

Что же касается персоналий, описанных в легенде, то все они действительно реальные лица. Онуфрий Дмитриев сын Костарев не был лихим атаманом, а работал штейгером на Кусье-Александровском заводе и действительно занимался изысканиями руд. Оттуда он и был переведен на Архангело-Пашийский завод, куда и прибыл в числе самых первых поселенцев 23 марта 1785 года. На Пашийском заводе он проработал старшим штейгером и умер в 1818 году, дожив до преклонного возраста, и судя по архивным данным, не оставил после себя потомства.

Матвей Митянин – это тоже совершенно реальный заводской приказчик, назначенный на свою должность, как было сказано в предыдущей главе, с первого года строительства. Хотя роль его в постройке завода была более чем скромная. Дело в том, что строительство завода шло под непрерывным надзором как управителя Пермскими вотчинами Ивана Ивановича Варокина, так и